

УДК 130.2

ФЕНОМЕН КОЧЕВЬЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Красильникова Марина Борисовна, кандидат философских наук, доцент, Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Рубцовск, РФ). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

В статье рассмотрены особенности пространственного комплекса русской культуры начала XX века и феномена кочевья, проявившегося в нем. Каждая культура обладает собственным «чувством» пространства, отражающим ее своеобразие, специфику мировосприятия. Пространственные образы укоренены в устойчивых сюжетах, мотивах. На рубеже XIX–XX веков в ситуации социокультурного распада, «разлада» актуализируются архетипические слои культуры, устойчивые культурные схемы приобретают новое содержание. «Канунная» порубежная эпоха характеризуется динамичностью, культуре этого периода в целом свойственно динамическое восприятие пространства. Для начала XX века сюжет кочевья стал отражением общего мироощущения, осмысления современности как некоего цивилизационного разлома. В «кочевничестве» начала XX века соединяются «чувство» пространства, укорененное в ментальных основаниях культуры, и «переживание» пространства, порожденное духом эпохи.

Активизация кочевнического, «степного» начала связана с переориентированием в мировом цивилизационном пространстве, пересмотром комплекса «свое-чужое» пространство. В статье показано, что европейскому цивилизационному принципу, длительное время доминировавшему в русской культуре, в порубежную эпоху противопоставлен вызов Степи, порожденный социокультурными катаклизмами. Основные результаты исследования заключаются в том, что определены коннотации «кочевья» в контексте порубежной культуры («путь», вольница, хаос, бездомье, безвременье), выявлен сюжет «бездомности-кочевья», порожденный эпохой.

Ключевые слова: пространство в культуре, кочевье, русская культура, культурный переход.

THE PHENOMENON OF NOMADISM IN THE TERRITORIAL COMPLEX IN RUSSIAN CULTURE AN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Krasilnikova Marina Borisovna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Rubtsovsky Industrial Institute (branch) of N. N. Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

Each culture has its own peculiarities in perception and experience of space. One of the features of Russian culture is often defined as “the power of space.” Space complex in culture is formed by such concepts as “expanse,” “space,” and “liberty.” “The power of space” is realized in wanderings and nomadism.

Transition epochs, sharing and connecting the cultural historical periods, are characterized by dynamism. In the situation of cultural dissonance, archetypal parts of culture are updated, strong cultural schemes acquire new content. In Russian culture at the beginning of the XX century, the nomadic subject appears as the reflection of era attitude. In Scythian nomadism of early XX century, “feeling” of space rooted in the grounds of mental culture and “experience” of the space generated by the spirit of the age are connected. Awakening the Scythian origin in Russian culture is associated with the reorientation in the civilizational space, reviewing the complex “my own strange space.” Nomadism appears as a sign of “other” cultures: Steppes, Eastern, but a cultural rift updates the natural beginning, nomadic instinct. The European civilization principle, dominated for a long time, is opposed by the challenge of Steppe generated by sociocultural disasters. In the cultural context, the era of nomadism is experienced and perceived uniquely, receives different connotations. While some consider this “invasion” of Steppe as the threat to habitual existence of Russian culture, for others, it is an expression of the era spirit.

The article considers the origins of space complex containing the nomadic motifs in Russian culture, the perception of space, the essence of the phenomenon of nomadic culture at the beginning of the XX century, the plot of “homelessness-nomadism” generated by era. It uses literary sources and works of Russian philosophers.

Keywords: space in culture, nomadism, Russian culture, cultural transition.

В истории культуры есть времена устойчивости, стабильности и периоды, связанные с ситуацией «разлада» культуры, когда меняются привычные представления о мире. Картина мира в переходные эпохи обретает большую подвижность, динамичность. Стремление к передвижению, в меньшей степени проявляющееся в стационарные эпохи, актуализируется в периоды переходные.

Передвижение, странничество, «кочевье» связано с опытом осмысления, «переживания» пространства в культуре. Каждая культура имеет свой собственный комплекс пространственных представлений, свое специфическое видение пространства. Пространство в культуре неоднородно, оно обязательно имеет ценностную разметку. Перемещение в пространстве также несет смысловую нагрузку. Движение может иметь цель, которая осознается сакральной. Движение к цели – это путь, а пространство пути – дорога. Таким образом, дорога представляет собой протяженность в неизвестном пространстве, простирающемся

за пределами «своего» мира. Архетип дороги соотнесен с несколькими концептами: путник, странник, кочевник. Движение путника определено целью; в понятии странничества кроме цели движения проступает семантика отстраненности, «посторонности», надмирности; кочевье связано со стихийным, свободным перемещением в пространстве. Для степной культуры кочевье – способ ее существования, основанный на передвижении, которое является необходимостью для поддержания жизнедеятельности и определяет бытовой уклад. В русской культуре кочевье осознается как знак иной культуры и получает дополнительные значения, метафорическое толкование.

Как было отмечено, каждая культура характеризуется своими специфическими пространственными представлениями. В качестве особенности ментального комплекса русской культуры достаточно часто отмечают «власть пространства» над ней [3]. Эта «власть» реализуется и в путешествии, и в странничестве, и в кочевье. «Странничество – очень характерное русское явление... – отме-

чал Н. Бердяев. – Странник ходит по необъятной русской земле, никогда не оседает и ни к чему не прикрепляется. <...> Странник не имеет на земле своего пребывающего града, он устремлен к Граду Грядущему» [1, с. 123]. Одним из первых о феномене странничества в отечественной культуре заговорил П. Я. Чаадаев в ходе размышлений об особенностях русского культурно-исторического развития. Но в отличие от Бердяева он определяет странничество не надмирностью или трансцендентной телеологичностью, а безытностью, и глубже – цивилизационной неопределенностью: «Оглянитесь кругом себя. Разве что-нибудь стоит прочно на месте? Все – словно на перепутьи. Ни у кого нет определенного круга действия, нет ни на что добрых навыков, ни для чего нет твердых правил, нет даже и домашнего очага... ничего устойчивого, ничего постоянного; все исчезает, все течет, не оставляя следа ни вне, ни внутри нас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками...» [19, с. 19]¹.

Если Бердяев видит в странничестве проявление духа русской культуры, то Чаадаев говорит об ином – о русской цивилизационной специфике. Именно Чаадаев первым отметил особую роль пространства для русской цивилизации. Пространство, по мысли философа, является основным фактором исторической динамики, подчиняет себе время-историю: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический» [20, с. 154]. У него же прозвучала тема странничества и *бездорожья-беспутья* как *безвременья*, блуждания в истории-времени. Проблема

«географического фактора», обозначенная Чаадаевым в цивилизационном аспекте, идея его значимости для русской истории и русской культуры нашла продолжение и в философской рефлексии, и в литературе.

Особенность русского пространства (как оно переживается в культуре) – это его беспредельность, безграничность. Тема пространственной беспредельности представляет собой один из основных структурообразующих элементов русской культуры, проявляющийся во всех ее сферах. Учитывая свойственный отечественной культуре литературоцентризм, можно говорить о том, что в первую очередь она задана искусством слова. В отечественной литературе русский образ мира зачастую репрезентуется пространственными сюжетами и образами. Мотив беспредельности пространства стал основным в творчестве Н. В. Гоголя. У него так же, как и у Чаадаева, фактор «пространственный» значим в осмыслении цивилизационной специфики России. Указание на это найдем в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Кому при взгляде на эти пустынные, доселе незаселенные и бесприютные пространства не чувствуется тоска... Вот уже почти полтора столетия лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского, ...и до сих пор остаются также пустынные, грустные и безлюдны наши пространства, так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашею крышей, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге» [12, с. 254–255]. В «Мертвых душах» звучит та же мысль о «бесприютности» пространства Руси: «бедно, разбросано и неприятно в тебе», «открыто-пустынно и ровно все в тебе» [11, с. 185]. Топоров В. Н. усмотрел в творчестве Гоголя стремление «обжить» бесконечное пустынное пространство, сделать его разумным, организованным и заполненным [16, с. 34]. Но эта задача необыкновенно сложна. Обустроить пространство – значит рационализировать его, осмыслить, локализовать. Однако «цивилизационная» организация проблематична для беспредельного, грозного пространства, имеющего мощную мистическую силу. Таким образом, пространство у Н. В. Гоголя амбивалентно. С одной стороны, оно необустроенное, неорганизованное, доциви-

¹ Примечателен первый перевод этого фрагмента: «Все как будто на ходу. Мы все как будто странники <...> Дома мы будто на постое, в семействах как чужие, в городах как будто кочуем, и даже больше, чем племена, блуждающие по нашим степям, потому что эти племена привязаннее к своим пустыням, чем мы к нашим городам...» [19, с. 508].

лизационное. С другой – «могучее», мистическое, стихийное. Пространство осваивается через дорогу, путь. Дорога может быть рассмотрена как знак цивилизации. У Гоголя дорога соотнесена со стихийностью пространства и важна не только целью, к которой она направлена, но значима как само движение. Мотив движения-полета, не знающего границ, задан Гоголем в «Записках сумасшедшего»: «...дайте мне тройку быстрых, как вихрь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеса, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего...» [10, с. 186]. В «Мертвых душах» Русь-тройка мчится в неизвестное беспредельное-запредельное пространство. Такое пространство принципиально неупорядоченно. Вместе с тем это не только бес-порядок, но и до-порядок – пространство возможностей, потенциальное пространство.

«Канунная» эпоха начала XX века связана с потрясениями, социальными катаклизмами. В работе «Кризис искусства» (1917) Н. Бердяев писал о том, что эпоха, к которой он принадлежит, отмечена движением, динамичностью: «Бесконечно ускорился темп жизни, и вихрь, поднятый этим ускоренным движением, захватил и окружил человека... В старой красоте человеческого быта и человеческого искусства что-то радикально надломилось... Красота старого мира была статична. Храм, дворец, деревенская усадьба – статичны, они рассчитаны на устойчивую жизнь и на медленный ее темп. Нынче все стало динамическим, все статически-устойчивое разрушается...» [2, с. 13]. Масштаб происходящих событий, считает философ, позволяет судить о современности как о конце огромной космической эпохи, конце старого мира и преддверии нового мира.

В этой ситуации А. Блок услышал гоголевские мотивы: «... Тот гул, который возрастает так быстро, что с каждым годом мы слышим его ясней и ясней, и есть “чудный звон” колокольчика тройки. Что, если тройка, вокруг которой “гремит и становится ветром разорванный воздух”, – летит прямо на нас?.. Отчего нас посещают все чаще два чувства: самозабвение восторга и самозабвение тоски, отчаяния, безразличия?» [6, с. 395–396] (1908). Гоголевский мотив движения-полета как странствия в неведомое грядущее необыкновенно созвучен порубежной эпохе с ее утопическими ожиданиями преображения.

Чувством утраты былого уюта, устойчивого быта пронизано «рубешное» творчество И. А. Бунина. Его «Антоновские яблоки» (1900) представляют собой эпитафию уходящему миру, «старинной мечтательной жизни», воплощением которой стала дворянская усадьба. «Домовитость» и «старосветское благополучие» сначала сменяются «царством мелкопоместных», но потом и эта «нищенская мелкопоместная жизнь» приходит в упадок. Позже Бунин, оппонент утопического видения истории, создает художественный дневник современности – «Окаянные дни» (1918–1919). Этот дневник фиксирует чувство разлада и «безбытности», соответствующее социокультурному разлому, когда по всей России «вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование...» [8, с. 68]. Пространство утрачивает привычную устойчивую ценностную разметку, становится хаотично-динамичным, на смену «домовитости» приходит бездомье. В культуре активизируется кочевое начало, связанное со стихийным «переживанием» пространства.

Цикл статей А. Блока «Безвременье» (1906) открывается фрагментом с символическим названием «Очаг». Мироощущение современной Блоку эпохи проявляется в том, что чувство домашнего очага – высшая точка ушедшего XIX века – утрачено. Непокослимость домашнего очага как основы мироздания уходит в прошлое. В сердцевине «мирного бытия» поселилась пошлость «обветшалого мира», и прежний очаг погас: «Необозримый, липкий паук поселился на месте святом и безмятежном, которое было символом Золотого Века. Чистые нравы, спокойные улыбки, тихие вечера – все заткано паутиной, и самое время остановилось. Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет. Двери открыты на выюжную площадь <...>. Мы живем в эпоху распахнувшихся на площадь дверей, отпылавших очагов, потухших окон» [4, с. 368]. Голос выюги вывел людей из «паучьих жилищ», очарованные голосом выюги, бродяги и странники покидают свои дома. Дороги, на которые они вышли, тянутся, кружат, выются. Это бессмысленное и бесцельное блуждание в пространстве: «Пляшет Россия под звуки длинной и унылой песни о безбытности... Нет ни времени, ни пространства в этом просторе...» [4, с. 371]. Во мраке выюги исчезает

эпоха «домовитисти», наступает эпоха кочевья. У Блока появляется образ всадника, блуждающего, кружащего в ночи: «Баюкает мерная поступь коня, и конь совершает круги; и неизменно возвращается на то же и то же место...» [4, с. 372].

Странничество без цели, без возврата домой есть скитальчество. Бесприютным и тоскливым становится пространство дороги тогда, когда нет цели, той сакральной точки, куда направлено движение. В этом случае дорога – хаос и безвременье. Но у Блока из темы ветра, метели, выюги и хаоса рождается мотив пути, заявленный в цикле «На поле Куликовом» (1908). Первое стихотворение цикла («Река раскинулась...», 1908) задает мотив пути как основной. «О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий *путь!* / Наш *путь* – стрелой татарской древней воли / пронзил мне грудь. / Наш *путь* – степной, наш *путь* – в тоске безбрежной, / В твоей тоске, о Русь! И даже мглы – ночной и зарубежной – / я не боюсь» [5, с. 109]. «Чужое» пространство – Степь – не несет негативных смыслов (страшное, неведомое, непредсказуемое и т. д.), осознается продолжением «своего» мира.

Тема «пути» России продолжена А. Блоком в стихотворении «Скифы» (1918). «Путь» России у поэта связан со стихийным началом, с кочевьем, степью. В творчестве Блока проявляется самосознание оседлой, но сохранившей тягу к кочевничеству цивилизации, характеризующейся значимостью пространственной ориентации. «Кочевье» оживает в рубежной культуре. Вместе с тем тема «пути» России как исполнения своего предназначения связана с переосмыслением «своего-чужого» пространства в контексте ключевых событий эпохи – войны, революции. В январе 1918 года Блок делает в дневнике запись, отражающую его видение роли Запада и Востока в судьбе России. Он бросает европейской цивилизации упрек в предательстве: «...Мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся азиатами, и на вас прольется Восток» [7, с. 317]. Позже, 20 февраля 1918 года, сделана следующая запись: «Только – полет и порыв; лети и рвись, иначе – на всех путях гибель... Все догматы распатаны, им не вековать. Движение заразительно»

[7, с. 325–326]. «Канунная» эпоха начала XX века в противовес «европеизму», внятно заявившему о себе в русской культуре Нового времени и связанному с представлением об организованном пространстве цивилизации, пробудила стихийное степное начало, что привело к «скифству», евразийству [15, с. 55]. Евразийцы настаивали на том, что в русской культуре и истории сочетаются две стихии: «оседлая» и «степная». Кочевье, «скифство» у Блока связано со стихийным пространством Степи, но накладывается на специфическое «чувство» пространства культуры отечественной. В «кочевнических» образах Блока проступает «степная» стихия русской культуры, актуализированная ситуацией рубежности, переходности. Федотов Г. П. писал: «Дух беспокойства и мятежа поэт прочно связал с татарской культурой» [17, с. 105].

Вызов Степи, порожденный социокультурными катаклизмами, переживается и осознается неоднозначно. Так, И. Бунин видит в этом нашествии степи угрозу «светлому граду Китежу» – привычному бытованию русской культуры: «В страшной современности, где возобладал «киргизм», не найти спасительных указаний, русское слово почти умолкло в этой печенежской степи...» [9, с. 144]. Разгул кочевнической стихии, считает Бунин, грозит утратой исторической памяти: «В степи, где нет культуры, нет сложного и прочного быта, время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет» [9, с. 149]. Кочевье осознается писателем стихией пространства, восставшего против времени-истории. Не принимая и резко негативно оценивая «скифство» Блока, писатель все же видит в поэте «кровное дитя своего времени и духа его». Можно утверждать, что Блок стал одним из наиболее ярких выразителей «кочевнического инстинкта», актуализировавшегося в переходную эпоху. Бунин этого нашествия степи не приемлет, видит в нем катастрофу для русской культуры, но не может не признать силы кочевнической стихии, проявившейся в ситуации социокультурного разлада. Уже в 1916 году в его стихах проступает предчувствие трагических событий: «Вот встанет беснованых рать / И как Мамай всю Русь пройдет...» [8, с. 27].

Тема кочевья прозвучала и в творчестве С. Есенина, и особенно мощно в его поэме «Пу-

гачев». Здесь очевидна переключка эпох: тема пу- гачевской стихии «бунташного века» навеяна со- бытиями революционной эпохи. «Кочевнический пересвист» стал лейтмотивом поэмы. Кочевни- чество у Есенина, так же как у Блока, маркиро- вано как знак иной культуры – как «вскипевшая азиатчина»: «Эй ты, люд честной да веселый, / Забубенная трын-трава! / Подружилась с твоими селами / Скуломордая татарва. / Свищут кони, как вихри по полю, / Только глянешь – и след простыл. / Месяц желтыми крыльями хлопая, / Раздирает как ястреб кусты... / Загляжусь я по ровной логи / В синью стынувшие луга, / Не бе- резовая ль то Монголия? / Не кибитки ль киргиз – стога?» [13, с. 7–32].

Мятежное открытое пространство степи вовлекает все в свое движение, этому общему стихийному кочевью подчинен и Дом, но при этом утрачивается его функция сакрального про- странства: «Посмотри, вон сидит дымовая труба, / Как наездник, верхом на крыше. / Вон другая, вон третья, / Не счесть их рыл / С залихватской тоской астолопов, / И весь дикий табун деревян- ных кобыл / Мчится, пылью клубя, галопом. / Ну куда ж он? Зачем он? / Каких дорог / Оголтелье всадники ищут? / Их стегает, стегает переполох / По стеклянным глазам кнутовищем» [13, с. 7–32].

В поэме Есенина кочевье амбивалентно: это и вольница, устремленность в пространство- простор, и мятежная «сумасшедшая, бешеная кро- вавая муть», разрушающая Дом-деревню – «ро- довую зацепку за жизнь». Позже, в 1921 году,

после поездки в Европу и Америку он на- пишет: «Наше едва остывшее кочевье мне не нравится» [14].

Переходная эпоха начала XX века актуали- зировала архетипические слои культуры и обно- вила пространственно-временные представления. Феномен кочевничества, проявившийся на ру- беже веков, вырос из особенностей восприятия пространства, свойственного культуре, из обще- го мироощущения эпохи, обусловленного социо- культурными катаклизмами. Для номадической цивилизации кочевье – это способ бытия, основан- ный на переходах из одного времени-пространства в другое в соответствии с ритуалами и определен- ным порядком. В русской порубежной культуре феномен кочевничества заявил о себе в ситуации разрыва, разлада, в эпоху предчувствий и ожи- даний, когда картина мира стала необыкновенно подвижной. В культурном контексте эпохи реа- лизовались разные коннотации феномена «коче- вья»: вольница, свобода, «путь», но вместе с тем это и хаос, бездомье, без-времяе. События ре- волюции воспринимались современниками как торжество стихийного, кочевого начала, и оценка этих «высоких и мятежных дней» не была одно- значной. Подвижность, динамичность простран- ственной картины мира стала отражением ситуа- ции культурного перехода, эпохи хилиастических чаяний и ожиданий, неопределенности и неза- вершенности. Видение вектора этого перехода и его оценка легли в основу осмысления феномена «кочевья».

Литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопр. философии. – 1991. – № 2. – С. 87–157.
2. Бердяев Н. А. Кризис искусства. – М.: Интерпринт, 1990. – 48 с.
3. Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – 206 с.
4. Блок А. Безвременье // Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции. – М.: Высш. шк., 1990. – 687 с.
5. Блок А. На поле Куликовом // Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции. – М.: Высш. шк., 1990. – 687 с.
6. Блок А. Народ и интеллигенция // Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции. – М.: Высш. шк., 1990. – 687 с.
7. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. – М.; Л., 1960–1963. – Т. 7.
8. Бунин И. А. Окаянные дни // Окаянные дни: неизвестный Бунин / сост., предисл. О. Михайлова. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 335 с.
9. Бунин И. А. Инония и Китеж // Окаянные дни: неизвестный Бунин / сост., предисл. О. Михайлова. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 335 с.
10. Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н. В. Соч.: в 7 т. – М., 1978. – Т. 3. – 303 с.
11. Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Соч.: в 7 т. – М., 1978. – Т. 5. – 451 с.

12. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Соч.: в 7 т. – М., 1978. – Т. 6. – 559 с.
13. Есенин С. Пугачев // Есенин С. Собр. соч.: в 7 т. – М., 1995. – Т. 3. – С. 7–52.
14. Есенин С. Автобиография // Есенин С. Собр. соч.: в 5 т. – М., 1962. – Т. 5. – С. 17–18.
15. Лотман Ю. С. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Лотман Ю. С. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство – СПб, 2002. – 768 с.
16. Топоров В. Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исслед. в обл. мифопоэт. – М.: Прогресс, 1995. – 624 с.
17. Федотов Г. П. Судьба и грехи России // Федотов Г. П. Избр. ст. по философии рус. истории и культуры: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – 351 с.
18. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
19. Чаадаев П. Я. Философические письма // П. Я. Чаадаев. Соч. – М.: Правда, 1989 – 655 с.
20. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // П. Я. Чаадаев. Соч. – М.: Правда, 1989 – 655 с.

References

1. Berdiaev N.A. Russkaia ideia [Russian Idea]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 1991, no 2, pp. 87–157. (In Russ.).
2. Berdiaev N.A. Krizis iskusstva [The Crisis of Art]. Moscow, Interprint Publ., 1990. 48 p. (In Russ.).
3. Berdiaev N.A. O vlasti prostranstv nad russkoi dushoi [About the Power of Spaces over the Russian Soul]. *Berdiaev N.A. Sud'ba Rossii: opyt po psikhologii voyny i natsional'nosti [Russian Fate: Experience, Psychology of War and Nationality]*. Moscow, Mysl Publ., 1990. 206 p. (In Russ.).
4. Blok A. Bezvremene [Timelessness]. *Aleksandr Blok, Andrei Belyi: Dialog poetov o Rossii i revoliutsii [Alexander Blok, Andrei Bely: The Poets Dialogue about Russia and Revolution]*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1990. 687 p. (In Russ.).
5. Blok A. Na pole Kulikovom [On the Kulikovo Field]. *Aleksandr Blok, Andrei Belyi: Dialog poetov o Rossii i revoliutsii [Alexander Blok, Andrei Bely: The Poets Dialogue about Russia and Revolution]*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1990. 687 p. (In Russ.).
6. Blok A. Narod i intelligentsiya [The People and the Intellectuals]. *Aleksandr Blok, Andrei Belyi: Dialog poetov o Rossii i revoliutsii [Alexander Blok, Andrei Bely: The Poets Dialogue about Russia and Revolution]*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1990. 687 p. (In Russ.).
7. Blok A. Sobranie sochinenii. V 8 tomakh [Complete set of works]. Moscow; Leningrad, 1960–1963, vol. 7. (In Russ.).
8. Bunin I.A. Okaiannye dni [Accursed Days]. *Okaiannye dni: neizvestnyi Bunin [Accursed Days: Unknown Bunin]*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1991. 335 p. (In Russ.).
9. Bunin I.A. Inoniia i Kitezkh [Inonia and Kitezkh]. *Okaiannye dni: neizvestnyi Bunin [Accursed Days: Unknown Bunin]*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1991. 335 p. (In Russ.).
10. Gogol' N.V. Zapiski sumasshedshego [Diary of a Madman]. *Gogol' N.V. Sobranie sochinenii. V 7 tomakh [Complete set of works]*. Moscow, 1978, vol. 3. 303 p. (In Russ.).
11. Gogol' N.V. Mertvyie dushi [Dead Souls]. *Gogol' N.V. Sobranie sochinenii. V 7 tomakh [Complete set of works]*. Moscow, 1978, vol. 5. 451 p. (In Russ.).
12. Gogol' N.V. Vybrannye mesta iz perepiski s druz'iami [Selected Passages from Correspondence with Friends]. *Gogol' N.V. Sobranie sochinenii. V 7 tomakh [Complete set of works]*. Moscow, 1978, vol. 6. 559 p. (In Russ.).
13. Esenin S. Pugachev [Pugachev]. *Esenin S. Sobranie sochinenii. V 7 tomakh [Complete set of works]*. Moscow, 1995, vol. 3, pp. 7–52. (In Russ.).
14. Esenin. S. Avtobiografiia [Autobiography]. *Esenin S. Sobranie sochinenii. V 5 tomakh [Complete set of works]*. Moscow, 1995, vol. 5, pp. 17–18. (In Russ.).
15. Lotman Iu.S. Problema vizantiiskogo vliianiia na russkuiu kul'turu v tipologicheskom osveshchenii [The Problem of Byzantine Influence on Russian Culture in Typological Coverage]. *Lotman Iu.S. Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury [History and Typology of Russian Culture]*. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2002. 768 p. (In Russ.).
16. Toporov V.N. Apologiia Plushkina: veshch' v antropotsentricheskoi perspektive [Plyushkin Apology: Thing in Anthropocentric Perspective]. *Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovanie v oblasti mifopoeticheskogo [Myth, Ritual. Symbol. Image: Research in the Mythopoetical Field]*. Moscow, Progress Publ., 1995. 624 p. (In Russ.).
17. Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii [The Fate and the Sins of Russia]. *Fedotov G.P. Izbrannye stati po filosofii i russkoi istorii i kul'tury. V 2 tomakh [Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture]* St. Peterburg, Sofiia Publ., 1991, vol. 1. 351 p. (In Russ.).

18. Khrenov N.A. Kul'tura v epokhu sotsial'nogo khaosa [Culture in the Social Chaos Era]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 448 p. (In Russ.).
19. Chaadaev P.Ia. Filosoficheskie pis'ma [Philosophical Letters]. *P.Ia. Chaadaev. Sochineniia [Complete set of works]*. Moscow, Pravda Publ., 1989. 655p. (In Russ.).
20. Chaadaev P.Ia. Apologiia sumasshedshego [Apology of a Madman] *P.Ia. Chaadaev. Sochineniia [Complete set of works]*. Moscow, Pravda Publ., 1989. 655 p. (In Russ.).